Могилянські читання 2003. Збірник наукових праць. Пам'ятки Давньої Русі в студіях сучасних вчених: історія, дослідження, збереження / Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник ; Ред. рада: В.М. Колпакова (відп. ред.) та ін. – К.: ВІПОЛ, 2004. – С. 360-366.

Тяпко Г. Г.

кандидат филологических наук, доцент

зав. кафедрой языков Центральной

и Юго-Восточной Европы МГИМО (У) Москва

ОДИН ИЗ ПРИМЕРОВ ОСВОЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОШЛОГО ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ (На материале перевода М.Грчича «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

В 1988 г. в одном из загребских издательств вышла уникальная публикация — перевод с русского языка на хорватский известного памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», осуществленный Марко Грчичем[1]. Издание подготовлено основательно, с большой тщательностью, на качественной плотной бумаге, с хорошей полиграфией и корректурой, выгодно отличающей издания периода «докомпьютерной верстки». Перевод «Слова» дан вместе с текстом оригинала. Русская часть занимает правую сторону разворота книги, а перевод М. Грчича — левую, параллельно с древнерусским текстом. Перелистывая книгу, читатель обозревает оба текста. Русский шрифт для оригинала, с ятями, твердыми знаками и другими характерными символами, был набран в Скоплянской типографии им. Кирилла и Мефодия главного македонского университета. Чтение и сравнение текстов облегчает разбивка его «на периоды»: арабскими цифрами в обеих частях отмечается каждая пятая строка. Этому же способствуют и инициалы, открывающие каждый новый раздел «Слова», и придающие печатному тексту четкость и выразительность. Заметим, однако, что М. Грчич не только блестяще перевел древнерусский памятник, но также снабдил его весьма обстоятельным и ценным комментарием, облегчающим понимание «Слова».

---

[1] Grčić M. Slovo o vojni Igorevoj // Pogovor Bratulića J. — Zagreb: GZH / Rotulus Arhiv, 1988. — 147 s.

За основным текстом «Слова» следует «Послесловие», состоящее из двух взаимодополняющих статей, в которых древнерусский памятник представляется зарубежному читателю российским исследователем Л. А. Дмитриевым и хорватским ученым акад. Й. Братуличем (в то время деканом философского факультета Загребского университета). В статье Л. А. Дмитриева «Слово о войне за землю Русскую» читатель знакомится с историческим и культурным фоном «Слова», своеобразием используемых в нем поэтических средств — метафор, эпитетов, символов, восходящих к устной эпической фольклорной традиции, гипотезами о происхождении автора «Слова», ритмическим устройством текста. Статья Й. Братулича дополняет эту информацию важными фактами: знакомит читателя с непростой судьбой уникального древнерусского памятника, жемчужины славянской и европейской культуры, всегда вызывавшей живой интерес в культурных кругах южнославянского населения. Свидетельством тому — многочисленные переводы сербских, хорватских и словенских авторов, а также литературные прототипы и художественные произведения выдающихся деятелей культуры эпохи южнославянского возрождения, появившиеся под влиянием «Слова»: сестра Батричева в драматической поэме П. П. Негоша «Горный венец» (1847), героико-романтическая поэма на тему национально-освободительной борьбы «Смерть Сзмаил-аги Ченгича (1846) И. Мажуранича и др.

М. Грчич был не первым переводчиком «Слова» в Хорватии. Среди его предшественников пальма первенства принадлежит И. Эсиху, опубликовавшему перевод древнерусского памятника в 1929 г. в «Хорватском народном календаре за 1930 г.»[2] в Сараево. В 1957 г. появился второй хорватский перевод «Слова», осуществленный Й. Бадаличем[3], ныне известным переводчиком русской поэзии, прежде всего поэзии серебряного века. Судя по материалам книги, создатель третьего перевода «Слова», М. Грчич был уже хорошо знаком с историей памятника, с полемикой «со скептиками», с достижениями русской текстологической школы в установлении автохтонности «Слова». В списке важнейших источников, посвященных древнерусскому памятнику и адресованных «своему читателю», М. Грчич указывает перевод монографии Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», осуществленнвый Д. Богдановичем и опубликованный в 1972 г. в Белграде. Из этого же списка видно, что проблематика «Слова» привлекала сербских, хорватских, словенских исследователей в разные периоды.

---

[2] Esih I. Slovo o Polku Igorevom. Hrvatsko-srpski i slovenski prijevodi // Hrvatski narodni kalendar za 1930. — Sarajevo, 1929.

[3] Badalić J. «Slovo o polku Igoreve» u hrvatskom prijevodu // Slavistična revija, X. — Ljubljana.

Живое участие в его обсуждении принимали известные ученые разных школ и поколений: Д. Медич, Л. Гай, Р. Нахтигаль, А. Менац, Д. Богданович и многие другие. Примечательно, что в этом же указателе под вторым номером фигурирует один из самых ранних инославянских переводов «Слова» для «славян латинского письма» (1821)[4], принадлежащий известному, чешскому «будителю» В. Ганке, «прославившемуся» подделкой под названием «Кралодворская рукопись», в которой также находят влияние «Слова».

Достоинства перевода М. Грчича можно оценить в полной мере, читая «исповеди» других современных переводчиков этого произведения. Интересна оценка текста одним из переводчиков «Слова» на русский язык, опубликовавшего перевод совсем недавно и получившего весьма высокую оценку специалистов: «Три года я переводил десять страниц ... . «Слово» можно переводить всю жизнь. И жизни не хватит. Мука несовместимости. Понятные, полупонятные, непонятные, но родные слова — завораживают забытым звучанием ... *Хотяше, дотечаше, пояше* ... в XII веке они звучали обычно, как наши слова в нашем веке, но время сделало свое дело...»[5]. Несомненно, были трудности и у М. Грчича, о чем свидетельствуют его размышления в «Комментарии». Однако объекты «мучительного» поиска у русского и хорватского переводчиков совпадают не в полном объеме. Так, совершенно забытое для современного русского языка звучание «-*ше* форм» аориста или имперфекта не является таким же «синонимом» древности» для сербов и хорватов, поскольку в их языке эти формы все еще живые категории глагола, особенно аорист. Правда, продуктивность имперфекта ушла в прошлое, вместе с классиками прошлого века. Но несмотря на то, что имперфект в современном языке — менее употребительная форма, ее нередко можно встретить в произведениях художественной литературы, даже детской. Для М. Грчича, почти исключительно использующего именно эти формы прошедшего времени, аорист и имперфект являются стилистическими средствами, мягко «отодвигающими» действие в прошлое. «-*še* формы» аориста (3 л. мн.) и имперфекта (3 л. ед.) созвучны в переводе М. Грчича звукоречи оригинала.

Ср. -*še* эквиваленты аориста и имперфекта: *рус. Тогда пушташе*ъ *10 соколовъ*— *Грч. Tad* ***p u š t a š e*** *deset sokolova* (15); *Жены руския въсплакашась — Žene se ruske* ***u s p l a k a -š e***; Noć ***se*** dugo ***s m r k a v a š e*** (120). Ср. также другие -še формы: sjećaše, polagaše, pregradiše, pregaziše, nahvataše, opkoliše, prohujaše, minuše, prođoše, kovaše, sijaše,

[4] Hanka V. Slovo o plku Igorevě Slovianom latinskago pisma. — Prag, 1821.

[5] Шкляревский И. Загадки и тайны Слова о полку Игореве. — М.: Воскресенье, 1998. — С. 51.

slušaše, zatiskivaše, bijaše, popadaše и т. д. Примеры имперфекта: *brat bratu* ***g o v o r a š e*** (255); *oboren bješe* и др. Ср также эквиваленты имперфекта мн. ч.: Они же сами княземь славу *рокотаху — Грч. One pak same o slavi knezova* ***b r u j a h u*** (25); *Tada se, za Olega Gorislavića,* ***s i j a h u i b i j a h u*** *smutnje* (210); *No često gavrani* ***g r a k t a h u*** (215); *kovahu, ubirahu, crpahu, sipahu, njegovahu, satirahu, ne plivahu, zvonjahu, bjehu, kriještahu* и т.д.

Фольклорная поэтика «Слова» талантливо передана и другими грамматическим средствами народного языка (точнее, языка народной эпической поэзии или древней книжности): нерасширенными формами мн. ч. существительных мужского рода (*put* > *puti, zid* > *zidi, glas* > *glasi, knez* > *knezi, vuk* > *vuci, stijeg* > *stijezi* и *stjegovi*); усеченными формами мн. ч. существительных в дат., тв., предл. падежах (*ljudma, šljemovma, krilma, riječma* вм. *ljudima, šljemovima, krilima, riječima*), регионализмами — из штокавских говоров (*обл. iskati, ištuć*) и из других региональных литературных языков, прежде всего чакавского (ср. *чак. pjesan*). Для воссоздания эпического колорита в нескольких случаях М. Грчич использует вокатив в функции номинатива (напр., *kano mrki* ***v u č e*** вм. *kano mrki vuk*). Все эти средства мы находим и у В. С. Караджича в его переводе Нового Завета (1847), первом переводе Библии на «простой» язык. Как переводчик, М. Грчич оказывается талантливым последователем В. С. Караджича, несмотря на то, что их отделяют почти полтора столетия.

Перевод М. Грчича так же как и оригинал «Слова» наполнен голосами и шумами и красками живой природы (*mpki vuk, sur orao, bijela utva na vodi, vrani gavrani, gavrani graktahu često, guske i labudi, čaplje, svraka* ‘сорока’, *djetlovi* ‘дятлы’, *galeb* ‘чайка’, *brzi konji, konji ržu, leopardi, gmazovi, krvava rumen, oblačine crne*). Замечательно переведены картины сочувствующей природы, которая своими знаками и голосами выражает отношение к героям. В сцене оплакивания утонувшего Ростислава «poniknu cvijeće žalosno, i drvo od tuge k zemlji se prikloni», а при побеге князя Игоря из плена вся шумная живность замирает. В тишине слышен только стук дятла, показывающего князю дорогу, и радостные песни соловьев, предвещающих освобождение: «Tad gavrani ne graktahu, i čavke zamuknuše, a ni svrake ne kriještahu, samo gmazovi gmizahu. Djetlovi kucanjem put k rijeci ukazuju, Slavuji veselim pjesmama svjetlost navješćuju».

В некоторых местах Грчич настолько органично вводит найденный лексический эквивалент, что по-другому, кажется, и не скажешь. Ср. *др.-рус.* Тогда въступи Игорь князь въ златъ стременъ *и поеха* по чистому полю. — *Грч.* Tada se pope Igor-knez u zlatni stremen *I pojaha* po širokom polju.

Следует отметить, что несмотря на сложность текста оригинала, читать перевод Грчича легко и приятно. Автор серьезно потрудился не только над эстетической стороной перевода, сделав его благозвучным и образным, но и над устранением неясных, затемненных мест. Именно этой цели служит добротный, научный комментарий к переводу, своего рода толковый исторический словарь, в котором М. Грчич не только объясняет непонятные читателю древнерусские реалии, имена и события, но, что особенно ценно, старается найти им аналогию в старой хорватской лексике и тем самым облегчить понимание произведения, увидеть общность древних славянских истоков. Показателен в связи с этим поиск эквивалента для трудно рифмующегося слова «харалужный», над которым бились многие переводчики и нередко его опускали.

Текст «Слова» гласит:	Перевод М. Грчича:
Яръ туре Всеволоде !	*Sileni ture Vsevolode !*
Стоиши на борони,	*Stojiš u kreševu,*
прыщеши на вои стрелами,	*Mećeš strijele na vojnike,*
гремлеши о шеломы мечи ***харалужными*** *!*	*Grmiš o šljemove mačevima* ***zanađenim*** *!*

(185)

Прилагательное *х а р а л у ж н ы й* М. Грчич перевел словом *z a n a đ e n i*. Как появился данный эквивалент ? Этому в комментарии посвящено целое исследование. Из него мы узнаем, что значение прилагательного «харалужный» в тексте оригинала истолковывается специалистами по-разному. Одни исследователи связывают его с тюркской основой gyr-yl-u, gyr-yl-uw ‘массовая гибель, массовое уничтожение’, что дает основание для толкования его как *ubojni, zatorni.* Другие исследователи полагают, что прилагательное «харалужный» имеет связь с франкским словом gar(a)lung, по династии Каролингов, давшей и название разновидности оружия — меча («харалужный», возможно, его искаженное название). Третьи связывают значение этого слова с турецким gara-lu ‘pocrnio, garav’ из-за черного цвета, в который окрашивается раскаленный металл. Тогда слово «харалужный» нужно переводить как čeličan ‘стальной’. М. Грчич опирается именно на эту версию, но он отказывается взять лежащее «на поверхности», употребительное современное слово čeličan. Желая передать патину времени М. Грчич использовал в качестве эквивалента для прилагательное «харалужный» старое и забытое слово с тем же значением zanađeni ‘стальной’. Отметим, что это прилагательное образовано от древнехорватского названия стали — nado и весьма органично вошло в текст перевода.

Несколько неожиданным кажется эквивалент, используемый М. Грчичем для этнического названия «русичи», передаваемого им как ruski sinci ‘русские сынки’. Звучит энергично, тепло и «фольклорно», особенно при повторах. Ср.: ***R u s k i s i n c i*** *široka*

polja crvenim štitovima pregradiše (125); *Pa ću,* ***r u s k i s i n c i*** *ili glavu svoju usijati ili se Dona šljemom napojiti* (55). Возможно, это калька (она могла появиться под влиянием и неславянских переводов «Слова»).

Сравнивая разные переводы «Слова», нельзя не заметить, что они делятся на «красивые» и «точные», в зависимости от приоритетных задач их создателей, от характера специализации последних. Рассматриваемый перевод М. Грчича сочетает в себе и первое, и второе качества: он великолепно звучит, легко читается и, в то же время, это весьма точный слепок оригинала. Комментарий показывает, что М. Грчич досконально знаком с разными интерпретациями «темных мест» древнерусского текста. Он старается познакомить с разными толкованиями читателя и обосновывает свой выбор. В ряде случаев он предлагает собственное объяснение смысла. Эта кропотливая подготовительная работа остается «за кадром», в комментарии, а сам перевод сочетает в себе ясность смысла, понятность и яркую образность. Разночтения «Слова» начинаются с зачина: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повестий о плъку Игореве, Игоря Святъславлича ?». Переводчики «Слова» нередко передают содержание этой строки как «наступление момента», «времени» для того, чтобы «старыми словесами начать скорбную повесть о походе Игоря». На наш взгляд, М. Грчич здесь ближе к оригиналу. Ср.: Ne bi nam priličilo, braćo, starim riječma začinjati žalostivu povijest o vojni Igorevoj, Igora Svjatoslavića ? Он делает акцент на том — *как* следует рассказывать, а не *когда*. Разночтения отличают и перевод словоформы ‘мыслию’ в строке, следующей ниже: «Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется *м ы с л и ю* по древу». Переводчики часто передают ее смысл как «растекаться *белкой* по дереву», исходя, очевидно из того, что «мыс» в русских (псковских) говорах — это «белка»: Ибо вещий Боян, если песнь кому пропеть собирался, то растекался *б е л к о й* по древу. Если бы М. Грчич согласился с такой интерпретацией смысла, он должен был бы перевести слово «мыслию» как vjeverica (*хорв.* белка), а всю строку как: «*onda bi potekao kao v j e v e r i c a po drvu, kao mrki vuk po zemlji...* ». Но М. Грчич отклоняет этот вариант, считая его несостоятельным по одной причине: тв. п. от слова *мыс* > *мысию*, а в зачине оригинала стоит словоформа «*мыслию*», с элементом «л», следовательно, речь идет не о белке, а о мысли, которая скачет («растекается») по дереву. Таким образом, тонкий анализ древнерусского текста, вывел переводчика на эквивалент «мысль»: «древо» в тексте оригинала это музыкальный инструмент (glazbalo), «гусли», по которым «растекается *мысль* вещего Бояна».

Говоря о сочетании «красивого» и «точного» в переводе М. Грчича отметим фрагмент, содержащий трудное для перевода слово *рци* ‘словно, будто’. «Любой ценой,

даже «затемняя» смысл, я решил сохранить это далекое слышимое, несмазанное скрипучее слово, передающее скрип тележных осей в ночной степи: *А половцы к Дону великому побежали не езженными дорогами.—Рци!—скрипят телеги в полуночи, будто лебеди растревоженные*»[6].

М. Грчич перевел этот фрагмент не менее образно, сохранив при этом верность оригиналу. Частицу «рци» он перевел разговорным модальным словом regbi ‘словно, будто бы’, которое при наличии воображения также можно принять за скрип телеги или растревоженную стаю лебедей. Ср.: *I Polovci putovima negaženim pobjegoše k Donu velikome: o ponoći taljige im škripe, **R e g b i** : labudi su rastjerani* (110).

Анализ перевода М. Грчича показывает, что он с виртуозной легкостью отыскивает в родном языке необходимые средства для передачи семантики древнерусского памятника, как будто оба текста лежат в одной временной плоскости, а не на расстоянии восьми столетий, бесконечно осложняющих перевод этого же текста на современный русский язык. Среди факторов успеха анализируемого перевода в один ряд с талантом переводчика следует поставить типологическое тождество разделенных столетиями близкородственных языков, участвующих в «диалоге культур». Материальная близость двух текстов сравниваемых языков имеет логическое обоснование. Как известно, в основу современного литературного языка сербов и хорватов в результате реформы В. С. Караджича (1787-1864) была положена не книжно-письменная традиция, а устная диалектная речь (штокавский язык) сельского населения начала XIX в. Штокавский язык опирается на богатую фольклорную традицию южных славян. Несмотря на бережное отношение к «святой старине» в русской культурной традиции, не вызывают сомнения и устные основы русского литературного языка XI—XII вв. «Письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из своих разновидностей он трансформировал и переносил в письменность язык устной народной поэзии, обладавший особой стилистической функцией и владевший своими поэтическими формулами и поэтической лексикой.... Эта разновидность литературного языка больше всего представлена в «Слове о полку Игореве»[7]. Можно выделить целый корпус эквивалентных поэтических формул, существующих в народной традиции наших народов (по В. Караджичу, «stajaće riječi»): mrki vuk, suri orao, brzi konj,

---

[6] Шкляревский И. Загадки и тайны Слова о полку Игореве. С. 40-41.

[7] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— 3-е изд. — М.: Изд-во «Наука», 1979. — С. 85; Он же: Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л., 1950.

crne oblačine, *široko polje, crna zemlja, sinje more, jarko sunce, zelena trava, krasna djeva, mladi mjesec* (*mlađak*), *zlatni stremen, zlatni šljem, kaljene strijele, krvave rane, britki mačevi* и др.

Работа М. Грчича — современное произведение переводческого искусства, опирающееся на новейшие научные знания о «Слове». Каждый перевод отражает определенные социальные и культурные запросы своей эпохи, поэтому должно пройти какое-то время, чтобы определить значимость этой работы в полном объеме и увидеть то, что «временем закрыто». Однако уже сейчас ясно, что для более глубокого и всестороннего изучения литературного процесса знание только истории литератур недостаточно. Очень важно знать историю переводов выдающихся произведений мировой культуры и их влияние на формирование литературного процесса того или иного народа. Разумеется, мы прежде всего думаем об истории переводов произведений великой русской литературы и о ее влиянии на формирование южнославянских литератур, осознаваемое и самими этносами. Сегодня эта задача кажется утопической. Но могли ли студенты-слависты XX в. мечтать о том, что в их распоряжении когда-нибудь будет полная история литератур западных и южных славян ? А в начале XXI в. академическую историю литератур этих народов они могут заказать в любой университетской библиотеке.